

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 6, Number 298 (2014), 118 – 124

**CONCEPTS OF MULTICULTURALISM AND TOLERANCE
IN SOCIAL-POLITICAL DISCOURSE OF KAZAKHSTAN**

M. S. Shaikemelev

Institute for Philosophy, Political Science and Religions Studies CS MES RK, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: muhtarbek64@mail.ru

Key words: tolerance, multiculturalism, ethnic, civic identity, constructivism, primordialism, nation, Kazakh, Kazakhstani.

Abstract. The article shows that the policy of Kazakhstan in the sphere of interethnic relations is aimed at carrying out transition from primordial forms of national identity to constructive forms, which assumes a conscious choice in favor of all-Kazakhstani identity. Existing models of intercultural dialogue, tolerance and multiculturalism, which are exercised in the public policy, became methodological basis for civil national identity formation. The state is trying to give irreversible progressive nature to this process, based on the conscious use of interethnic dialogue technology under the pressure of global geopolitical and socio-cultural transformations.

УДК 32.001(574)

**ПОНЯТИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ТОЛЕРАНТНОСТИ В
КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

М. С. Шайкемелев

Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: толерантность, мультикультурализм, этническая, гражданская идентичность, конструктивизм, примордиализм, нация, казахская, казахстанская.

Аннотация. Политика казахстанского государства в сфере межэтнических отношений направлена на осуществление перехода от примордиалистских форм национальной идентификации к конструктивистским формам, предполагающим сознательный выбор в пользу всеказахстанской идентичности и гражданской нации. В статье делается вывод, что мультикультуралистскому дискурсу в полиэтничном обществе альтернативы пока не существует.

Действующие модели межкультурного диалога, толерантность и мультикультурность осуществляемые в пространстве публичной политики, становятся методологическим основанием, формирующим гражданскую национальную идентичность. Государство пытается придать этому процессу необратимый поступательный характер, основанный на сознательном применении технологий межэтнического диалога в условиях давления глобальных геополитических и социокультурных трансформаций.

Мирное сосуществование и взаимодействие различных наций, этносов и конфессий в рамках тех или иных государственных, региональных и блоковых образований является на сегодняшний день наиболее актуальной проблемой для мирового сообщества. Позитивный опыт совместного проживания различных этнических и религиозных групп, примеры успешного взаимодействия различных идеологий партнерства, успешной интеграции иммигрантских сообществ находятся в центре особого внимания научно-аналитических и политических структур полиэтничных государств.

В современном Казахстане успешно реализована собственная казахстанская модель межэтнического и межконфессионального согласия (КМММС), основанная на принципах единства свободно развивающихся, многообразных этнических культур. Основой этого единства являются принципы казахстанской толерантности и своей уникальной формы мультикультурализма. Необходимо отметить, что в отечественном общественно-политическом дискурсе термин «мультикультурализм» не имеет устоявшегося хождения. Основная причина – окончательно не сформировавшийся категориальный и понятийный аппарат отечественной политологической науки, в которой даже политологи смешивают понятия «нации» и «этноса». Возможно, что отчасти его неприятие связано с негативным восприятием неудавшегося опыта мультикультурной политики в Западной Европе. Напомним, что наличие «параллельных, слабо взаимодействующих этнических сообществ», явилось вызовом для современных западноевропейских демократий, считавших политику мультикультурализма наиболее сочетающейся с принципами западного либерализма и гуманизма.

Тем не менее, бытующее в постсоветской литературе мнение о том, что понятие «мультикультурализм» носит почти исключительно западное происхождение и институциональную природу отразилось на его восприятии в постсоветском общественно-политическом мейнстриме [1]. В западном понимании мультикультурализм подразумевает под собой опору на стержневую культурную норму – ценности европейского либерализма, гуманизма, христианских моральных заповедей и т.д., имеющие свои этнонациональные особенности. При этом этнокультурные и религиозные нормы других этнических групп должны иметь равноправные с доминирующей культурой возможности для сохранения и развития.

Мультикультурная политика государства в идеале должна придавать импульс развитию культур этнических меньшинств и способствовать гармонизации межэтнических отношений. Но на практике такая политика зачастую ведет к отчуждению этнических и национальных групп друг от друга, что и наблюдается в Западной Европе. Опыт Западной Европы показал, что схемы параллельного функционирования культур в партикулярном цивилизационном и информационном пространстве не выдерживают проверки практикой [2]. Отсюда и различные вариации мультикультурализма, который в различных странах, скажем, в Канаде и Австралии, принявших его за основу этнокультурной политики, достаточно успешно работает.

В западной литературе «мультикультурализм» понимается как равноправное сосуществование в едином государстве различных этнических групп с их специфическими культурными и религиозными ценностями. Мультикультурализм признает за этнокультурными группами право параллельного развития собственных культур. Но это не просто сосуществование, а их постепенное слияние в некую новую общность, причем в рамках одной государственной нации и на основе гражданских, политических ценностей. Многие авторы при этом настаивают на различии стран с планово выстраиваемой мультикультурной политикой (страны Запада) и стран с «культурным многообразием» (страны Востока) не осуществляющих такой политики на практике [3]. Классическая, модель мультикультурализма не предполагает наличие доминирующей этнической культуры, которая подавляла бы проявления свободы самовыражения других культур, носителями которой являются трудовые мигранты, либо диаспоры, волею судьбы оказавшиеся в стране проживания.

Несмотря на фактическое отсутствие данного термина в казахстанском общественно-политическом дискурсе, в Республике Казахстан осуществлены и успешно работают отечественные технологии диалога и взаимодействия этнических групп в условиях культурного плюрализма (мультикультурализма). В пространстве публичной политики (Public Policy) данные технологии реализуются через управленческие механизмы политики Ассамблеи народа Казахстана. То, что в Казахстане целенаправленно применяются политические технологии, признающие за этнокультурными группами право автономного развития собственных культур, уже говорит о планируемом культивировании казахстанской мультикультурной политики, имеющей свои собственные уникальные черты.

Культурное многообразие, не связанное напрямую с этничностью, предполагает принятие обществом *конструктивистской* парадигмы в интерпретации этнической идентичности, что соответствует возможности и праву человека на свободный выбор своей этнокультурной принадлежности,

социально-политических ориентаций и жизненных стилей. Такого рода идентификационные механизмы присущи западной политической системе. В казахстанских этнополитических реалиях предпочтительной для людей оказывается *примордиалистская* парадигма, строящаяся исключительно на почвенной, этнической идентификации индивидуумов, групп населения и их этнокультурных элит.

Усилия государства направлены на то, чтобы осуществить постепенный переход от примордиалистских форм идентификации к конструктивистским, предполагающим сознательный выбор в пользу *всеказахстанской* идентичности и гражданской нации, объединенной едиными политическими идеалами [4]. Но не все политические силы в Казахстане разделяют идею казахстанской нации, считая невозможной идею объединения в рамках единой национальной идентичности, формируемой из различных цивилизационных, этнокультурных и религиозных источников. Для национал-патриотических сил, считающих себя выразителями политической воли значительной части населения, нативистская (примордиалистская) идея *казахской нации* является основополагающей и аксиоматичной [5]. При этом понятие *казахстанская нация* ими безоговорочно отвергается. В реалиях же национального строительства, конструирование казахстанской нации затрудняется, в первую очередь, культурными и религиозными различиями двух ведущих этнических групп республики – казахов и русских.

Сторонниками эссенциалистско-примордиалистских принципов нациестроительства не дается ответ на вопрос, каким образом этноконфессиональные ценности многообразных казахстанских культур смогут институционально интегрироваться, объединив мультикультурную структуру общества по горизонтали. Выход они видят в единодушном признании принципа, что в Казахстане имеет право на существование только одна нация – казахская. Но при этом остается полностью открытым вопрос о формах противоборства-взаимодействия цивилизационных и этнических систем ценностей в информационно-символическом пространстве Казахстана. Максимально осложняется признание этнократической парадигмы ее противопоставленностью интеграционной позиции государства. Оппонирование государству осложняется геополитическими факторами, вынуждающими национал-патриотов противопоставлять собственную позицию еще и глобальным тенденциям неопределенности национальных идентичностей, а также, интересам основных (великодержавных) центров мировой силы.

Научно-прагматический анализ показывает, что разумной альтернативы мультикультуралистскому дискурсу в полиэтничестве пока не существует. И это успешно доказывает практическая деятельность Ассамблеи народа Казахстана (АНК), поддерживаемая Президентом, государством и основной массой общества. Являясь главным элементом совокупного государственно-общественного регулирования межэтнических отношений АНК играет ведущую роль в управлении казахстанской сферой межэтнических отношений.

Основная задача Ассамблеи – регулирование отношений между этносами РК и содействие процессам консолидации казахстанского общества. Ряд документов АНК формулирует стратегическое видение перспектив развития межэтнических отношений в Казахстане и концептуальные основания системы их общественного и политического регулирования. В Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на период до 2020 года представлена концепция государственно-общественной деятельности по совершенствованию политики в сфере межэтнических отношений в РК [6]. Определяя приоритетные направления своей деятельности, Ассамблея народа Казахстана ставит перед собой следующие цели и задачи: укрепление возрожденной государственности, защита прав и свобод человека, интересов всего народа и отдельных этнических меньшинств, переход на качественно новый уровень развития, отвечающий требованиям цивилизованного межкультурного диалога и взаимодействия.

Действующие модели межкультурного диалога, осуществляемые Ассамблеей в пространстве публичной гражданской политики, становятся методологическим основанием, формирующим *всеказахстанскую* идентичность, развивающуюся при неустанной поддержке Первого Президента РК Н. А. Назарбаева. КМММС уже стала непреложным условием государственного строительства Республики Казахстан, фактором его единства, находя своих сторонников во всех без исключения казахстанских этнических группах. Государство пытается придать этому процессу необратимый поступательный характер, основанный на сознательном применении технологий межэтнического

диалога в условиях давления глобальных геополитических и социокультурных трансформаций. Целенаправленное применение такого рода технологий автоматически предполагает поиск этнокультурных ценностей и установок, направленных на добрососедство, взаимопонимание и возможность совместной деятельности.

Изучение этнокультурных установок и их взаимодействий в мультикультурных обществах имеет не такую длительную историю, если принять во внимание тот факт, что понятие мультикультурализма и сопутствующее ему поле политологических и этносоциологических исследований появилось в конце 60-х гг. XX века и проводилось преимущественно в полиэтнических США [7] и Канаде [8]. В России такого рода исследования по понятным причинам начали активно развиваться только в последние двадцать лет [9].

Казахстан находится в самом начале процесса научно-теоретического осмысления моделей культурного плюрализма и перспектив формирования надэтнического коммуникационного пространства публичной политики [10]. Таким образом, практика национального строительства ушла далеко вперед по сравнению с процессом его научно-институционального оформления.

Как отмечалось выше, дефиниция «мультикультурализм» в казахстанском общественно-политическом дискурсе практически не используется, за исключением отдельных ученых, пытающихся в своих исследованиях ввести в научно-теоретический оборот международную, а не только отечественную и постсоветскую терминологию [11]. Тем не менее, неисследованность проблематики мультикультурализма, предполагающей учет множества специфических, не введенных в научный оборот факторов, несводимых к мировому опыту, накопленному в этой области учеными более развитых стран, в казахстанских реалиях оставляет открытыми множество вопросов [12].

В Казахстане есть свой успешный опыт практической реализации общественных ценностей и установок казахстанской толерантности. Об этом говорится в Послании Президента Н. А. Назарбаева народу Казахстана: «Мы сделали ценности единства и согласия фундаментом общества, основой нашей особой казахстанской толерантности» [4]. Именно этот опыт нуждается в теоретическом анализе и в целенаправленно управляемом процессе его стратегического выстраивания и институционализации [13]. Необходимо ясное понимание сущности и форм проявления принципов казахстанского мультикультурализма и исторически сложившейся казахской толерантности.

Особенность казахской толерантности заключается в том, что она формировалась из нескольких источников [14, с. 577]: 1) *компромиссная ментальность* – одна из базисных категорий в менталитете казахов, которая всегда проявлялась в политической сфере и в частной жизни. Компромиссные технологии вырабатывались веками и были унаследованы от сотен поколений кочевых насельников великой степи Дешт-и-Кипчак; 2) исторически сложившаяся этноцентричная картина мира, происходящая из *этногенетической автаркичности* казахской кочевой идентичности, в своем основании не предполагавшей насильственного навязывания соседствующим народам номадической системы взглядов на окружающий мир. Отсюда берет свое начало *этнокультурная терпимость*, исходившая из позитивно-нейтрального отношения казахов к сосуществованию рядом с «другими» народами и культурами; 3) *вынужденная толерантность* основанная на геополитическом, межгрупповом и межличностном маневрировании: на первом этапе – между интересами индустриально-земледельческих цивилизаций в лице России и Китая, на втором этапе – пытаюсь сохранить язык и этническую культуру под давлением царской России и СССР, на третьем этапе – укрепляя суверенитет и отвоевывая право вести независимую политику в крайне сложных геополитических и геоэкономических условиях.

Вынужденная толерантность сформировалась в результате снижения порога чувствительности к давлению доминирующей российской культуры. Многовековое соседство предполагало вынужденное взаимодействие казахской кочевой и русской земледельческой культур на огромном пространстве евразийской лесостепной полосы, а их ментальная комплиментарность отчасти объясняет и тот выбор в пользу протектората Российской империи, который сделала казахская элита XVIII в. в лице ханов, султанов и родовых старейшин.

В настоящее время сущность термина «толерантность» продолжает трансформироваться и означает уже не только пассивное терпение и уважение чужих ценностей и верований, но расширение глубинного содержания собственных ценностных ориентаций за счет позитивного

взаимодействия с другими культурами. Толерантность – это не проявление слабости, но осознание собственной силы способной понять и принять человека другой культуры вне зависимости от его общественного и социального статуса. Она может быть осознанной, сформировавшейся на основании либеральной психологии и новоевропейских принципов гуманизма. В противовес этому, существует и толерантность вынужденная, как правило, групповая, предопределенная историческими, социальными и иными структурно-субординационными обстоятельствами.

Таким образом, казахская толерантность носит смешанный характер – включая в себя два ключевых элемента представленной типологии. Она сочетает в себе вынужденность, порожденную историческими обстоятельствами и природную толерантность, выросшую из ментальных черт веротерпимости, открытости и гостеприимства. Вынужденная толерантность, определялась кочевой идентичностью, которой пришлось склониться перед экономически более сильной земледельческой, а затем и индустриальной идентичностью. В ней нет сознательных попыток сближения, как это частично происходит в либеральных европейских обществах, когда разного рода гражданские объединения берут на себя попытки реального межэтнического сближения.

По-видимому, синтез этих двух видов толерантности должен органично перерасти в новый тип толерантности, предполагающий новый уровень активного взаимоузнавания культур, их диалога и взаимодействия. Будучи внутренним стержнем феномена мультикультурализма, новая толерантность, преодолевшая этноцентристские рамки самозамкнутости культур, должна придать импульс их взаимопроникновению и созданию этнонациональных, гибридных форм мультикультурной политики. Только в рамках такого понимания сущности толерантности, как взаимообогащающего процесса возможен их действительный, непротиворечивый синтез [14, с. 578].

Стремительная маргинализация казахской этнической культуры в XX веке стала возможной благодаря миксту схожих факторов, и в первую очередь аккультурации, образовавшейся в результате седентаризации как *социокультурной травмы*, разрушившей кочевой тип социальности. В результате казахи быстро овладели стереотипами и навыками доминирующей русско-советской культуры, сформировав в итоге позитивное в целом к ней отношение. Но для казахской этнокультурной идентичности выработка такого типа толерантности далась при помощи утраты тех или иных ее признаков и форм, размывания ее этнокультурных границ [15], усиления ее «неопределенности» в контексте глобальных тенденций элиминации этнических идентичностей [16].

Результатом аккультурации стала в первую очередь утрата родного языка значительной частью этнических казахов, а русский язык занял прочную позицию в казахстанском обществе. Костяк современной элиты Казахстана составила билингвальная казахская интеллигенция. Таким образом, значение казахского языка как этнического маркера и определяющего критерия этнической идентичности вступило в определенное противоречие с исторически сложившимся билингвизмом казахов.

Известный шведский этнолог и исследователь казахов И. Сванберг, считает, что основной проблемой национального строительства в Казахстане является то, что остается внутриэтническая культурная граница между казахами в отношении к роли русского и казахского языков в казахстанском обществе. Произошел раскол в рядах интеллигенции в связи с выдвижением на первый план носителей чисто этнических казахских традиций и языка и отходом на задний план той части интеллигенции, которая получила образование в Москве и Ленинграде и дала своим детям и внукам русскоязычное и англоязычное образование [17].

В советский период исторически сложилось, что в северном и восточном регионах Казахстана преобладающим являлось русскоязычное население, а в южном и западном – казахскоязычное. В период независимости ситуация в целом изменилась, но по этническому составу регионов не столь значительно [18]. Зримая этносоциальная дистанция между русской диаспорой и казахским титульным этносом, диктуемая незнанием государственного языка стала одной из главных причин неопределенности процессов этнокультурной идентификации русских казахстанцев. Совершенно очевидно, что языковая политика должна учитывать региональные особенности (Север-Юг, Запад-Восток РК), исторические контексты, политическую ситуацию и отвечать потребностям всего полиэтнического населения страны.

Казахстан имеет ярко выраженную региональную специфику, поэтому национальная политика должна строиться с учетом региональных особенностей. На Западе и Юге страны необходимо

выстраивать региональную политику с учетом казахских этнокультурных факторов и религиозного просвещения населения, на Севере и Востоке Казахстана проводить выверенную политику в языковой сфере, руководствуясь постоянно развивающимися и обновляемыми гибридными этнокультурными моделями межэтнического диалога и взаимодействия.

Социолингвистическая проблематика перетекла, таким образом, в плоскость политическую, став ключевой для определения казахской этнической идентичности, и в более общей форме проблем государственной и региональной идентичности, межэтнического и межкультурного взаимодействия, формирования всеказахстанской идентичности. Языковой вопрос превратился в высшую точку проблематики межэтнического и внутриэтнического диалога в Республике Казахстан, современное состояние которого не дает ясного ответа на вопрос: мультикультурализм или интеграция в казахстанскую нацию на основе лингвокультурного единства? Или и то и другое одновременно?

Надежду на благополучное разрешение этого противоречия дает то, что за годы независимости в Казахстане создана достаточно гармоничная система межэтнических отношений, главный ценностный ориентир которой – сохранение имеющегося уровня межэтнического согласия в обществе и его постепенное совершенствование на основе консолидации казахстанского общества. В Казахстане государством взят курс на создание казахстанской нации как согражданства, в которой базовые ценности казахской культуры – толерантность, компромиссное мышление, открытость, гостеприимство и восприимчивость к новому должны стать ключевым, консолидирующим элементом.

Задачи по институционализации и структуризации роли казахской культуры, призванной сцементировать фрагментированные системы ценностей различных этнических культур Казахстана, осуществима через параллельные процессы внутриэтнического сплочения казахов и остальных этнических групп. Государственный язык, по замыслу Президента Н. А. Назарбаева, должен стать объединительным фактором процесса интеграции казахстанских этнических культур в *казахскую национальную* (не этническую) культуру, опирающуюся на наследие казахской толерантности, порождающее искренний интерес к другим культурам. «Казахский народ и государственный язык выступают как **объединяющее ядро** развивающейся казахстанской гражданской общности», – подчеркивает Елбасы в Стратегии «Казахстан – 2050» [4]. В условиях аксиологической и идентификационной неопределенности, именно казахский этнос должен взять на себя основную нагрузку по формированию казахстанской нации. В процессе нациестроительства интегративные черты казахской толерантности могут стать залогом для ее успешного формирования, которое при благоприятных обстоятельствах может занять период около 50–70 лет.

ЛИТЕРАТУРА

[1] См.: Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Платошина В.В. Американский мультикультурализм. – М.: Академия Естествознания, 2011.

[2] Сапего Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 9. – С. 50-58.

[3] Малахов В.С. Национализм и культурный плюрализм // Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005. – С. 250-261.

[4] Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». – Алматы: ЮРИСТ, 2013. – 48 с.

[5] См.: Казахи? Или казахстанцы? // Весь мир. – № 17. – 2012, 13 июня.

[6] Указ Президента Республики Казахстан от 18 апреля 2013 года № 552 «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана до 2020 года». <http://ru.government.kz/docs/u130000055220130418.htm>

[7] Le Vine R., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior. – N.Y.: Wiley, 1972.; Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. – Berkeley; Los Angeles; London, 1985.

[8] Lewis R., Rowland R., Clem R. Modernization, Population Change, and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Canadian Slavonic Papers 17 (1975): 293-944.; Bery J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. – Ottawa: Supply and Services Canada, 1977.

[9] Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. – М., 1996.; Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002; Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред.: Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005.

[10] См.: Императивы государственной этнополитики Республики Казахстан. Аналитические материалы и методические рекомендации для государственных органов. – Астана, 2012.

- [11] Мультикультурное общество в Казахстане: модели, проблемы, перспективы. – Алматы: ИФиП МОН РК, 2002.
- [12] Казахстанское общество и социальное прогнозирование: социологическое измерение. – Алматы: Институт философии и политологии, 2001.
- [13] Уникальная модель толерантности // Казахстанская правда. – 2011, 19 апреля.
- [14] Шайкемелев М.С. Толерантность как фундамент институционализации новой мультикультурной политики // Материалы I Конгресса философов Казахстана. – Алматы, ИФПР КН МОН РК, 2013. – С. 576-583.
- [15] Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9-48.
- [16] Brown R. Group processes. Dynamics within and between groups. – Blackwell Publishers, 2000; Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. – Praeger, 2002.
- [17] Contemporary Kazaks. Cultural and Social Perspectives / Ed. by I. Svanberg. – Richmond: Curzon Press, 1999.
- [18] См.: Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Статистический сборник / Под ред. А. А. Смаилова. – Астана, 2011. Интернет-ресурс Агентства Республики Казахстан по статистике: www.stat.gov.kz

REFERENCES

- [1] Sm.: Nekrasov S.I., Nekrasova N.A., Platoshina V.V. Amerikanskiy mul'tikul'turalizm. M.: Akademija Estestvoznaniya, 2011.
- [2] Sapego G. Immigranty v Zapadnoy Evrope. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2006. № 9. S. 50-58.
- [3] Malahov V.S. Nacionalizm i kul'turnyi pljuralizm. Nacionalizm kak politicheskaja ideologija. M.: KDU, 2005. S. 250-261.
- [4] Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan - Lidera nacji N.A. Nazarbayeva narodu Kazakhstana «Strategija «Kazahstan-2050»: novyi politicheskij kurs sostojavshegosja gosudarstva». Almaty: JURIST, 2013. 48 s.
- [5] Sm.: Kazakhi? Ili kazakhstancy? Ves' mir. № 17. 2012, 13 ijunja.
- [6] Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 18 aprelja 2013 goda № 552 «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya Assamblei naroda Kazahstana do 2020 goda». <http://ru.government.kz/docs/u130000055220130418.htm>
- [7] Le Vine R., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior. N.Y.: Wiley, 1972; Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkley; Los Angeles; London, 1985.
- [8] Lewis R., Rowland R., Clem R. Modernization, Population Change, and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan. Canadian Slavonic Papers 17 (1975): 293-944.; Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. Ottawa: Supply and Services Canada, 1977.
- [9] Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. Demokratizacija i obrazy nacionalizma v Rossijskoj Federacii 90-h gg. M., 1996.; Identichnost' i tolerantnost'. Pod red. N.M. Lebedevoj. M.: Izd-vo IEA RAN, 2002.; Tolerantnost' v mezhkul'turnom dialoge. Otv. red.: N. M. Lebedeva, A. N. Tatariko. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 2005.
- [10] Sm.: Imperativy gosudarstvennoj etnopolitiki Respubliki Kazakhstan. Analiticheskie materialy i metodicheskie rekomendacii dlja gosudarstvennyh organov. Astana, 2012.
- [11] Mul'tikul'turnoe obshhestvo v Kazahstane: modeli, problemy, perspektivy. Almaty: IFIP MON RK, 2002.
- [12] Kazahstanskoe obshhestvo i social'noe prognozirovanie: sociologicheskoe izmerenie. Almaty: Institut filosofii i politologii, 2001.
- [13] Unikal'naja model' tolerantnosti. Kazahstanskaja pravda. 2011, 19 aprelja.
- [14] Shajkemelev M.S. Tolerantnost' kak fundament institucionalizacii novoj mul'tikul'turnoy politiki. Materialy I Kongressa filosofov Kazahstana. Almaty, IFPR KN MON RK, 2013. S. 576-583.
- [15] Bart F. Vvedenie. Etnicheskie gruppy i social'nye granicy: Social'naja organizacija kul'turnyh razlichii. Pod red. F. Barta. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. S. 9-48.
- [16] Brown R. Group processes. Dynamics within and between groups. Blackwell Publishers, 2000; Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Praeger, 2002.
- [17] Contemporary Kazaks. Cultural and Social Perspectives. Ed. by I. Svanberg. Richmond: Curzon Press, 1999.
- [18] Sm.: Itogi Nacional'noy perepisi naselenija Respubliki Kazakhstan 2009 goda. Statisticheskij sbornik / Pod red. A. A. Smailova. Astana, 2011. Internet-resurs Agentstva Respubliki Kazahstan po statistike: www.stat.gov.kz

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ ДИСКУРСТАҒЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ЖӘНЕ ТӨЗІМДІЛІК ТҮСІНІКТЕРІ

М. С. Шайкемелев

ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: толеранттылық, мультимәдениеттілік, этностық, азаматтық бірегейлік, конструктивизм, примордиализм, ұлт, казак, қазақстандық.

Аннотация. Мақалада этносаралық қарым-қатынас саласындағы Қазақстан мемлекетінің саясаты барлық қазақстандық бірегейліктің пайдасына саналы түрдегі таңдауды білдіретін ұлттық бірегейленудің примордиалистік түрінен конструктивистік түріне өтуді жүзеге асыруға бағытталғаны көрсетілген. Мәдени-аралық диалогтың қазіргі модельдері, қоғамдық саясат кеңістігінде іске асырылатын төзімділік пен мульти-мәденилік, азаматтық ұлттық бірегейлікті қалыптастырудың әдіснамалық негізі бола алады. Мемлекет осы үрдіске ғаламдық геосаяси және социомәдени өзгерістердің қысымы жағдайында, этносаралық диалог технологияларын саналы түрде қолдануға негізделген қайтарымсыз үдемелі сипат бергісі келеді.

Поступила 30.10.2014г.